

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Почти неделю тянули ветры над землей Центральной Украины, стелило полог мокрого снега. Промокло вс?, промокли все. В окопах, на огневых позициях, даже в солдатских ячейках и ровиках чавкает под обувью, ботинки вязнут в грязи, сознание вязнет и тускнеет в пространстве, заполненном зябкой, беспросветной мглой. Я сижу на телефоне, две трубки виснут у меня по ушам на петлях, сделанных из бинта. Подвески мокры, телефонные трубки липнут к рукам, то и дело прочищаю клапан рукавом мокрой шинели, в мембране отсыревает порошок, его заедает, он не входит в гнездышко телефонной пазухи. У меня прохудились ботинки, подошва на одном вовсе отстала. Я подвязал ее телефонным проводом. Ноги стынют, а когда стынют ноги, стынет все, весь ты насквозь смят, раздавлен, повержен холодом. Меня бьет кашель, течет из носа, рукавом грязной шинели я растер под носом верхнюю губу до ожога. Усов у меня еще нет, еще не растут, палит, будто перцем, подносье и нос. Меня знобит, чувствую температуру, матерюсь по телефону с дежурными на батареях. Пришел командир дивизиона, послушал, поморщился, посмотрел на мои обутки, влипшие в грязь ячейки, что вкопана в бок траншеи. ? Чего ж обувь-то не починишь? ? Некогда. И дратва не держится. Сопрела основа, подметки кожмитовые растащились и растрепались. ? Ну надо ж как-то выходить из положения... Он уже звонил в тыл, ругался, просил хотя бы несколько пар обуви. Отказали. Скоро переобмундирование, сказали, выдадут всем и все новое. ? Как-то надо выходить из положения... ? повторяет дивизионный в пространство, как бы и не мне вовсе, но так, чтобы я слышал и разумел, что к чему. "Выходить из положения" ? значит снимать обувь с мертвых. Преодолевая страх и отвращение, я уже проделал это, снял поношенные кирзовые сапоги с какого-то бедолаги лейтенанта, полетшего со взводом на склоне ничем не приметного холма с выгоревшей сивой травой. И хотя портянки я намотал и засунул в сапоги свои, моими ногами согретые, у меня сразу же начали стынуть ноги. Стыли они как-то отдаленно, словно бы отделены были от меня какой-то мною доселе не изведанной, но ясно осязаемой всем моим существом, молчаливой, хладной истомой. Мне показалось, помстилось, что это и есть земляной холод, его всепроникающее, неслышное, обволакивающее дыхание. Я поскорее сменял те сапоги на ботинки. Они были уже крепко проношены, их полукирзовые-полупарусиновые "щеки" прорезало шнурками, пузырями раздувшиеся переда из свиной кожи не держали сырости, и вот словно бы пережженные, из пробки сделанные кожмитовые подметки изломались. Иду на врага почти босиком по вязкой украинской грязи, и я не один, много нас таких идет, топает, тащится по позднеосенним хлябям вперед, на запад. В одном освобожденном нами селе вослед нам вздохнула женщина: "Боже! Боже, опять пленных ведут". Скоро переобмундирование. Зимнее. Ни в коем случае не надо брать полушубок и валенки. Полушубок за месяц-два так забьет вшами, что брось его на снег ? и он зашевелится, поползет, в валенках протащишь версту-две по пахоте ? и вылезешь из них. Я видел дырки в размякшей пахоте, заполненные водой и темной жижей, это вновь прибывший пехотный полк вышагнул из валенок и рванул к шоссе босиком. Трупы недавнего отступления разъездило, размяло и растащило по бульжнику, покрытому серой жижей в разноцветных разводах нефти и бензина, вылившегося из подбитых танков и машин. Вот здесь-то пехота и переобулась. Обувь и портянки, как правило, остаются почти в сохранности, не то что головы, хрустнувшие, будто арбузы, ? смяты, размичканы до фанерной плоскости. Портянки, как знамена или флаги просивших милости и пощады бойцов, белеются по всей дороге, да еще зубы, человеческие зубы; не дались колесам машин, гусеницам танков,

бело просвечивают там и сям из расколотых камней и в булыжных щелях. Что же это такое? Неужели ко всему этому можно привыкнуть? Можно. Но нужно ли? Ах, как зябнут ноги! Трясет, мелко трясет всего, и под шинелью, под гимнастеркой и бельем тело покрывается влагой. Поднимается температура, хоть бы заболеть и... Резко зазуммерил телефон, я нажал прилипающий к пальцам клапан и сказал: ? Ну какого кому надо? А в ответ бодрый, звонкий голос, словно у пионера, рапортующего об окончании патриотической работы: ? Привет, красноярский идиот! Павлуша. Кокоулин Павлуша, родом из алтайского села Каменный иль Светлый Исток. Мы сошлись с ним в запасном полку, душевно сошлись: я звал его ласково "алтайский выблядок", а он меня еще ласковей ? "красноярский идиот" ? вот на таком уровне сердешной близости и даже любви изъяснялись мы. На фронте Павлуша угодил в другой дивизион, но мы изредка виделись и при любой подходящей возможности перемолвливались словом-другим по телефону. Еще ранней осенью Павлушу определили в ближний тыл переучиваться с телефониста на радиста. Вот и явился Павлуша на передовую бодрый, отдохнувший от окопной маеты. ? Ну как жизнь молодая протекает? ? Жизнь-то? Молодая-то? ? Я втянул носом мокро и, чуть не заскулив по-собачьи, вылаял: ? А дубнуло бы поскорее, вот бы хорошо было... Павлуша смолк, не знает, чего сказать, чем меня приободрить, виноватым себя чувствует за то, что так благополучен, а мы вот подышаем тут в грязи, во вшах, под гнилым, милости не знающим небом. ? Ну ты, это, елки-моталки, чего городишь-то? ? уже не очень бодро, но все еще с энтузиазмом говорит Павлуша. Он, Павлуша, от природы румян, круглолиц и очень разговорчив. Умеет на гармошке и балалайке играть, музыку любит, а я конопат, скуласт, язвителен, играть ни на чем не умею. У Павлуши больше оснований жить и выжить на войне, чем у меня, Павлуша, может быть, более полезен и нужен обществу, я же осатанел, грудь вот кашлем рвет, ангина горло свела, даже слюну проглотить не дает. Павлуша жил до самой до войны в красивом хлебном селе среди гор, покрытых по самым горбинам мохнатым кедром. Реки, где он рос, харькуные, тайменные, ореха, зверя, птицы в лесах тучи. Пусть и до зернышка выметет родная и любимая власть, все одно не пропадешь в алтайском селе, где по огородам арбузы растут, при впадении родной речки в Катунь острова пользительной ягодой облепихой заросли. Мое родное село тоже многого стоит, природа посуровей алтайской, землицы среди скал скудно освоено, но река, тайга под боком, да рано меня сорвало и вынесло из родного села, и понесло, и закружило в водовороте жизни. Детство в нужде, страхе и ожидании обещанного счастья прошло, юность в борьбе за место на земле незаметно пролетела в общагах, бараках, каких-то зимовках, навозом, хомутами и гнилыми опилками пахнущих, теперь здесь вот в всеми дождями промываемых, всеми ветрами продуваемых окопах проходит молодость. Даже одежонку просушить негде и нечем, одно желание подступает все плотнее ? пропасть, сдохнуть поскорее. ? Да ты ч?? ? почти возмущенно кричит Павлуша. ? Нам по девятнадцать лет, нам еще жить да жить, елки-моталки... ? Вот и живи, раз охота. Павлуша обезоруженно и обескураженно умолк. Иногда ему удавалось справиться со мной, на путь истинный меня наставить, довоспитать, но сейчас он бессилен, совсем бессилен и далеко от меня, за этой непроглядной пеленой, полого и низко плывущей над землей. ? Слушай! ? кричит Павлуша. ? Вот слушай! И я вдруг слышу музыку, с другого света, с другой планеты, с другого неба плывущую, прекрасную музыку, торжественную, разуму недоступную, поющую о другой какой-то жизни, мне неведомой, пробуждающейся под ясным небом, под светлыми звездами. Павлуша включил рацию, нажал на клапан телефона, дает мне послушать то удаляющуюся, то наплывающую на меня музыку. Я хочу спросить, откуда, чья

эта музыка, но лицо мое грязное, шершавое от стыни заливают такие потоки слез, что я не успеваю их, затекающие в рот, соленые и горькие, проглатывать, и они текут, рушатся на шинель, глухо застегнутую на моей груди. На время куда-то пропал кашель, лишь, как на немазанных шестернях, скрипит, рвется дыхание в груди. "Кто украл мое детство? Кто съел мою юность? Кто гробит и гложет мою молодость?" ? захлебываясь слезами, спрашиваю я, неведомо к кому обращаясь. Мне жалко себя, своей жизни, а это уже пробуждение. Где-то ж она есть? Где-то ж она вот звучит? Где-то ж она живет? И значит, вместе с нею живут прекрасные люди прекрасной жизнью. А музыку Павлуша нашел, нащупал для меня в пространстве, и он не знал, какую, чью, и я тогда тоже не знал, откуда, чья она? Чайковского Петра Ильича была та музыка, впоследствии узнал я, финал первого действия "Лебединого озера". Приобретя пластинку, я заезжу до дыр то место, где про воскресение, про другой, прекрасный мир, светлым сиянием спускающийся с небес над родной землей, над всеми нами, все вытерпевшими и перестрадавшими. 30 марта 2000. Больница.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды

Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание

корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения.

Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!